

СООБЩЕНИЯ

Н. Е. КОПОСОВ

ВИЗАНТИНОВЕДЕНИЕ
И АБСОЛЮТИЗМ ВО ФРАНЦИИ XVII В.

(постановка вопроса)

«Век эрудиции» во Франции — время первого высокого подъема европейской византистики, прославленного именами Фабро, Дюканжа, Мабильона, Монфокона и др. Некоторые современные исследователи придерживаются мнения, будто причиной этого расцвета был интерес эрудитов к созданной под влиянием абсолютистских идеалов модели византийской автократии как известной аналогии французской абсолютной монархии. Враждебность просветителей к Византии логично объясняется тогда не только пренебрежением ко всему средневековому, но и отрицанием неограниченной монархии. Сторонники указанной точки зрения исходят как из само собой разумеющегося положения о том, что некоторые действительно имевшие место сходные черты византийской автократии и французского абсолютизма делали для политического сознания XVII в. неизбежным представлением об однородности этих явлений. Такая посылка не может быть признана удовлетворительной, особенно если учесть, что изложенная концепция, распространенная в общих работах¹, значительно расходится с выводами исследователей, специально изучавших историю византиноведения XVII в.

Вплоть до конца XIX—начала XX в. история французского византиноведения XVII в. изучалась в традиционных рамках сочинений эрудитской школы, посвященных истории монашеских конгрегаций. Но быстрое развитие византиноведения в последней трети XIX в. и формирование национальных школ в историографии вызвали интерес к истории византиноведения как особой науки. Первым сочинением, удовлетворившим этот интерес, явилось «Обозрение трудов по византийской истории» В. Г. Васильевского. По мнению В. Г. Васильевского, интерес к Византии возник как естественное продолжение интереса гуманистов к греческой культуре, но в каждой стране поддерживался специфическими политическими и культурными причинами. Обращение немецких гуманистов к Византии стимулировалось турецкой опасностью. Расцвет византиноведения во Франции XVII в. объясняется высоким уровнем интеллектуальной активности, побуждавшей ученых искать новые точки приложения усилий, а государственных деятелей — покровительствовать их штудиям. Эта общекультурная ситуация, по словам В. Г. Васильевского, несравненно более, чем любые политические и религиозные интересы, способствовала успехам византистики. Следовательно, В. Г. Васильевский не связывал расцвет византиноведения непосредственно с укреплением французского абсолютизма, допуская лишь опосредованное влия-

¹ См.: *Hunger H.* Byzanz im europäischen Geschichtsdenken des 20. Jahrhunderts. — *JÖBG*, 15, 1966, S. 49—50; *Сюзюмов М. Я.* Византиноведение. — СИЭ, т. 3, 1970; *Irmischer J.* Einführung in die Byzantinistik. Berlin, 1971. Аналогичных взглядов придерживался Е. А. Косминский (Историография истории средних веков. Лекции. М.; 1963, с. 130). Об отношении к Византии в XVIII в. см.: *Сюзюмов М. Я.* Указ. соч., *Косминский Е. А.* Указ. соч., с. 248.

ние второго процесса на первый, выразившееся в государственном покровительстве развитию культуры. Сочувственное в целом отношение к Византии ученых-эрудитов сменилось в XVIII в. осуждением Византии как вдвойне «темного и презираемого прошедшего»².

Несколько лет спустя после книги В. Г. Васильевского появились работы Л. Брейе и Ш. Дилья³. Увлеченные понятным желанием подчеркнуть значение трудов французских эрудитов, названные исследователи отнесли возникновение византиноведения, а следовательно, и интереса к Византии в европейской общественной мысли, к XVII в. Не отрицая роли итальянских и немецких гуманистов в подготовке французской эрудиции, Ш. Диль и Л. Брейе объясняют их обращение к византийским источникам исключительно потребностями изучения античности. Подобно В. Г. Васильевскому, Ш. Диль и Л. Брейе подчеркивают отрицательное отношение просветителей к суеверным и невежественным византийцам. Не устанавливая, подобно В. Г. Васильевскому, политической зависимости византиноведческих занятий от развития абсолютизма, Ш. Диль и Л. Брейе способствовали созданию впечатления о существовании такой зависимости, отнеся возникновение интереса к Византии к XVII в. и высказав мысль о сочувственном отношении к ней эрудитов. Следующий шаг в подготовке идеи о связи византиноведения и абсолютизма сделал А. А. Васильев, объяснивший третирование Византии просветителями, между прочим, их отрицанием неограниченной монархии⁴.

Вновь усилилось внимание к истории византиноведения в конце 50-х—60-х годах текущего столетия. Р. Киочан-Иванеску убедительно показала, что интерес к Византии во Франции в начале XVII в. был связан с активизацией восточной политики Генриха IV. Исследовательница говорит и о провизантийском характере пропаганды, призванной оправдать агрессивные планы антитурецких коалиций. Однако приводимые в ее статье факты позволяют, самое большее, сделать вывод о сочувственном отношении во Франции в начале XVII в. к истории и догматике греко-православной церкви, но не об идеализации византийской государственности; от последнего вывода Р. Киочан-Иванеску воздерживается⁵. По мнению А. Пертузи, европейская мысль XVI—XVII вв. обращалась к «византийскому миру» под влиянием целого ряда политических, религиозных и научных факторов, как, например: турецкая опасность, реформационное движение, вызывавшее интерес к истории православия, развитие классической филологии⁶. О множественности причин интереса к Ви-

² *Васильевский В. Г.* Обзорение трудов по византийской истории, вып. 1. СПб., 1890, с. 53—55, 190.

³ *Bréhier L.* Le Développement des études d'histoire byzantine du XVII-e au XX-e siècles. — *Revue d'Auvergne*, janvier—février, 1901, p. 4—16; *Diehl Ch.* *Etudes byzantines*. Paris, 1905, p. 21—22.

⁴ *Васильев А. А.* Лекции по истории Византии, т. I. Пг., 1917, с. 4. Высказанные названными исследователями положения определили оценку французского византиноведения XVII в. в ряде работ межвоенного периода. Не останавливаясь специально на этих работах, укажем на мнение Г. А. Острогорского, в целом следовавшего в этом вопросе за Васильевским, о значительной роли религиозно-политической борьбы XVI в. в создании интереса к Византии. См.: *Ostrogorsky G.* *History of the Byzantine State*. New Brunswick—New Jersey, 1957, p. 2—6.

⁵ *Ciocan-Ivanescu R.* Les débuts des recherches byzantines en France à l'époque du «Grand Dessein» (1598—1609). — XII Congrès international des sciences historiques. Rapports. III. Wien, 1965, p. 5—18. Аналогичная ситуация сложилась в Германии XVI в., когда сочувствие протестантов к византийской церкви как более близкой к традициям раннего христианства, чем католическая, сочеталось с отрицательным отношением к византийской автократии как символу ослабленного внутренними раздорами перед лицом внешней опасности государства. См.: *Pertusi A.* *Storiografia umanistica e mondo bizantino*. Palermo, 1967, p. 45—60.

⁶ *Pertusi A.* *Op. cit.*, p. 8; *idem.* Le siècle de l'érudition. — *JÖBG*, 15, 1966, p. 4, 12. Концепция А. Пертузи заострена против точки зрения Э. Станеску, объяснявшего интерес гуманистов к Византии исключительно актуальностью «турецкого вопроса»; см.: *Stanescu E.* *Die Anfänge der Byzantinistik und die Probleme Südosteuropas im 16. Jahrhundert*. — *Byzantinische Beiträge*. Berlin, 1964, S. 373—392.

зантии говорит также Г. Л. Курбатов, автор первого монографического исследования истории византиноведения с XV в. до наших дней. Обращение французских эрудитов к истории Византии, по его мнению, особенно стимулировалось восточной политикой абсолютизма⁷.

Из сказанного видно, что исследователи, специально изучавшие историю французского византиноведения XVII в., избегают вывода об абсолютистской идеализации византийского государственного строя как политическом стимуле развития византиноведения. Но в ряде их работ содержатся, если можно так выразиться, психологические предпосылки такого вывода, а именно: указание на резко отрицательную оценку Византии просветителями в противоположность сочувственному отношению к ней эрудитов, а также подчеркивание совпадения апогея абсолютизма с расцветом византистики и государственного покровительства ученым занятиям. Эти предпосылки привели к созданию концепции, охарактеризованной в начале данной работы.

Главный тезис рассматриваемой концепции — абсолютистская идеализация Византии — не подкреплена специальными исследованиями⁸. Не может не вызывать сомнения и молчаливо признаваемая «однопартийность» французской византистики XVII в.⁹. Нуждается также в уточнении, сколь безусловным был разрыв просветителей с традиционными представлениями эрудитов о византийской автократии¹⁰. Наконец, при рассмотрении политических факторов интереса к Византии нельзя забывать, что потребности развития исторических филологических знаний во Франции XVII в. сами по себе составляли достаточно прочную основу для широкого обращения к Византии, так что политические факторы играли только роль катализатора, хотя бы и самого сильного¹¹.

Совершенно ясно, что «византийский мир» до некоторой степени являлся для Франции XVII в. источником абсолютистских идей. Византийские «царские зеркала» имели весьма широкое хождение во Франции XVI—XVII вв. и, насколько можно судить при отсутствии специальных исследований, использовались в целях монархической пропаганды¹². Имели место заимствования элементов византийской императорской титулатуры в политической литературе и, возможно, придворного церемониала¹³. Наконец, можно указать на попытки опоры на византийские

⁷ Курбатов Г. Л. История Византии (Историография). Л., 1975, с. 26—28.

⁸ А. А. Васильев (указ. соч., с. 2) и Х.-Г. Бек (*Beck H.-G. Die byzantinischen Studien in Deutschland vor Karl Krumbacher.* — Halikes. München, 1958, S. 81) ссылаются на фразу Ф. Лабба, что византийская история замечательна «прочностью монархии». Но в «Протрептике» сказано только — «продолжительность времени» (*diuturnitate temporis*; см.: *Labbaei Ph. De byzantinae historiae scriptoribus. . . ad omnes per orbem eruditos Protrepicon. Parisiis, 1648, p. 5*). В позднейшем издании книги Васильева этот недосмотр устранен; см.: *Vasiliev A. History of the Byzantine Empire, vol. I. Madison and Milwaukee, 1964, p. 4*.

⁹ В европейском масштабе, особенно для XVI в., всегда указывают на отражение на византийских занятиях борьбы реформации и контрреформации. Для Франции XVII в. об этом упоминают вскользь. См.: *Сюсюмов М. Я. Основные направления историографии истории Византии иконоборческого периода.* — ВВ, 22, 1963, с. 200.

¹⁰ А. Гийю показал, что представление о резком падении интереса к Византии в XVIII в. сильно преувеличено; см.: *Guillou A. L'époque des Lumières.* — JÖBG, 15, 1966, p. 27—41.

¹¹ Научные факторы обращения к истории Византии не являются предметом специального рассмотрения в данной работе. О них см.: *Васильевский В. Г. Указ. соч., с. 54 и сл.; Pertusi A. Op. cit., p. 8 sqq.*

¹² В этот период во Франции многократно издавались в подлиннике и переводах «Наставление» Агапита, «Поучение» Псевдо-Василия, письмо Фотия к Михаилу-Борису, «Наставления» Феофилакта Болгарского и Мануила Палеолога, речи о царстве Синезия и Феофилакта Симокатты и другие произведения.

¹³ Ардуэн де Перефикс называет Генриха IV *porphyrogenes*; см.: *Perefixe Hardouin de. Histoire du roi Henri le Grand. Paris, 1662, p. 407*; *Ciocan-Ivanescu R. Op. cit. B. Де Ларош Флавея присваивает Людовику XIII титул, который Евсейий называет Константином*; см.: *La Roche Flaviv B. de. Treize livres des Parlements de France. Bordeaux, 1617, p. 758.* О церемониале см.: *Kantorowicz E. H. Oriens Augusti. Lever du Roi.* — DOP, 17, 1963, p. 117—177.

политические традиции для оправдания абсолютистских претензий французских королей¹⁴. Следовательно, тенденции к созданию абсолютистской идеализации Византии были налицо, но судьба историографического образа византийского государства сложилась так, что эти тенденции не получили развития.

Как указывалось выше¹⁵, в немецкой гуманистической историографии XVI в. сложилась традиция смотреть на Византию сквозь призму 1453 г. и объяснять ее падение религиозно-политическими раздорами, ассоциировавшимися с отсутствием сплочения Германии перед лицом турецкой опасности. Отчасти благодаря авторитету немецких гуманистов, отчасти под впечатлением разорения Франции в эпоху религиозных войн такое понимание Византии восприняли публицисты партии политиков Жан Боден и Луи Леруа¹⁶. В начале XVII в. проекты антитурецкой коалиции способствовали возникновению во французской историографии интереса к истории крестовых походов¹⁷. Характерное для абсолютистской пропаганды уже в царствование Генриха IV использование патриотических идей, связанное со становлением французского национального государства и развитием национального самосознания, объясняет легкое восприятие французскими историками враждебного отношения к византийцам средневековых латинских источников, тем более что длительное сохранение французских владений на Леванте создало благоприятные для этого традиции. Андре Дёшен усиленно подчеркивал историческое противостояние Франции и Византии и неизмеримо большую святость власти французских королей по сравнению с византийскими императорами¹⁸. Полвека спустя Шарль Дюканж, увлеченный экспансионистским настроением начала царствования Людовика XIV, убеждал короля вернуть Франции наследство латинских императоров Константинополя и, обращаясь к истории французских владений на Востоке, называл греков, наряду с турками, врагами французов и их союзников венецианцев¹⁹. В царствование Людовика, когда абсолютизм в условиях «католического возрождения» стремился к установлению идейно-политического единства общества, сложились благоприятные условия для развития понимания Византии как резко отрицательного примера ослабляемого религиозными спорами государства. Воинствующий католицизм наряду с «абсолютистским патриотизмом» требовал безусловной враждебности к схизматикам-византийцам. В сочинениях Луи Мэмбура образ нестабильной византийской автократии как антипода могущественной французской монархии и концепция перманентного упадка Византии вследствие неразумной политики нечестивых государей нашли наиболее полное выражение²⁰.

¹⁴ Придворный историограф Людовика XIV Луи Мэмбур возводил к Юстиниану право французских королей (наследников империи) вмешиваться в выборы пап. См.: *Maimbourg L. Histoire de décadence de l'empire après Charles Magne. Paris, 1681, p. 210.* В 1685 г. интендант Верхнего Пуату Н.-Ж. Фуко ссылался в оправдание отмены Нантского эдикта на суровую религиозную политику первых христианских императоров. См.: *Foucault N.-J. Mémoires, ed. F. Baudry. Paris, 1862, p. 141.*

¹⁵ См. выше, прим. 5.

¹⁶ *Le Roy L. Exhortation aux francois pour vivre en concorde et jouir du bien de la paix. Paris, 1570, p. 60—61; Bodin J. Les six livres de la République. Paris, 1577, p. 363.*

¹⁷ *Заборов М. А. Историография крестовых походов (Литература XV—XIX вв.). М., 1971, с. 23, 32, 46 и сл.*

¹⁸ *Duchesne A. Les antiquités et recherches de la grandeur et majesté des rois de France. Paris, 1609, p. 13, 43, 72—73, 152, 417.*

¹⁹ *Du Cange Ch. Histoire de l'empire de Constantinople sous les empereurs français. Paris, 1657, I part. Préface.* Враждебным отношением к византийцам проникнута также «История крестовых походов» Луи Мэмбура. См.: *Maimbourg L. Histoire des Croisades pour la delivrence de la Terre Sainte, t. I, épître, p. 86, 340; t. III, p. 180 et suiv.*

²⁰ «В различном поведении греческих императоров и французских королей можно видеть примеры того, что является доброй, а что — дурной политикой»; см.: *Maimbourg L. Histoire de l'hérésie des iconoclastes et de la translation de l'empire aux fran-*

Религиозная оппозиция «великого века» равно не имела оснований для идеализации Византии. Протестант Жак Банаж де Боваль обвинял василевсов в религиозно-нетерпимой политике, подобной гонениям на его единоверцев французского правительства, и находил истоки ненавистной инквизиции в гонениях эпохи Юстиниана²¹. Янсенист Луи Себастьян Ленэн де Тильмон, отстаивавший свободу церкви в выработке вероучения, критиковал византийских императоров за вмешательство в догматические споры и покровительство антиримским поползновениям патриархов²². Наконец, ультрамонтански настроенные эрудиты осуждали линию василевсов на умаление значения папского престола²³.

Осуждение просветителями государственного строя Византии не вызывает сомнений. Главное новшество, внесенное Монтескье в понимание византийского государства, состоит в отнесении автократии к восточным деспотиям в новой конституционной системе, основанной на разделении властей. Деспотизм делает закономерной и религиозно-нетерпимую политику василевсов, осуждаемую Монтескье в развитии взглядов религиозной оппозиции «великого века», и слабость не имеющей твердой опоры государства, подчеркивание которой сближает Монтескье с историками-абсолютистами. «Дурное правление Юстиниана. . . жестокое и слабое правление» в полной мере отражает два неразрывно связанные между собой порока автократии²⁴.

Приведенные факты, по-видимому, позволяют поставить под сомнение распространенное представление об абсолютистской идеализации византийской автократии как причине обращения французских эрудитов к истории Византии. Примеры исторического противостояния Франции и Византии, а также враждебное отношение идеологов клерикального абсолютизма к схизматикам-грекам препятствовали развитию имевшей место тенденции создания модели «византийского абсолютизма» как аналогии абсолютизма французского. Напротив, в официальной историографии возобладала тенденция понимать Византию как ослабленное и погибшее в силу дурной религиозной политики императоров, не сумевших установить господство истинной веры, государство. Религиозная оппозиция равно осуждала религиозную политику василевсов, но с позиций веротерпимости (протестанты) или идеи невмешательства светской власти в догматические споры (янсенисты, куриалисты). Следовательно, основой суждения о Византии французских эрудитов являлись религиозно-политические проблемы XVII в. Из политических стимулов их интереса к Византии наибольшее значение имела, как достаточно убедительно показано в литературе, заинтересованность Франции в средиземноморских проблемах. Отсутствие в XVII в. идеальной абсолютистской модели византийской автократии объясняет и некоторые элементы преемственности в понимании Византии между эрудитской и просветительской историографией, несмотря на все различие их политических и методологических установок.

---

cois, t. I. Paris, 1679, p. 6; *idem*. Histoire du schisme des Grecs, t. I. Paris, 1680, épître, p. 294; t. II, p. 116.

²¹ *Basnage de Beauval J.* Histoire de la religion des églises reformées, t. I. Rotterdam, 1690, p. 221—222.

²² *Tillemont L.-Lenain de.* Histoire des empereurs et des autres princes, t. 5. Paris, 1706, p. 10—11; *idem*. Mémoires pour servir à l'histoire ecclésiastique, t. 15. Paris, 1711, p. 700, et suiv.

²³ *Procopii Caesariensis.* Anecdota. Arcana historia. Alemanni de Procopio iudicium. Lugduni, 1623.

²⁴ *Монтескье Ш. Л.* Избранные произведения. М., 1955, с. 138, 149, 214.